

В. А. Щученко*

ОТНОШЕНИЕ В. С. СОЛОВЬЁВА К КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИМ УСТАНОВКАМ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматривается отношение В. С. Соловьёва к культурфилософским установкам Ф. М. Достоевского, относящиеся главным образом к актуальным и по сей день вопросам как философии культуры в её общих определениях, так и, в особенности, религиозно-философской концепции культуры. Особо отмечается идейный вклад В. С. Соловьёва в осмыслении философии культуры, основанной на традиционных концептах христианского вероучения. В целом и основном В. С. Соловьёв солидаризируется с культурфилософскими воззрениями Ф. М. Достоевского, какими они были представлены в литературно-художественном творчестве последнего. Оба мыслителя выделяют следующие аспекты христианской философии культуры. Культура, во-первых, являет собою исторически определённую системную целостность ценностей и оценок, притом не только обусловленных внешним миром, средой, но и безусловных, идеальных; не только релятивных, определяемых временем и местом своего бытования, но и абсолютных, некогда заданных раз и навсегда. Культура, во-вторых, устремлена к гармонизации, упорядочиванию, духовно-нравственному усовершенствованию жизни. Культура, в-третьих, динамична, нацелена на высшие уровни ценностных миров, но под натиском экономического материализма и утраты веровательных начал может падать в низины хаоса и упадка. Христианская культура, в-четвёртых, несовместима с мироотречным уклоном в Церкви и призвана бороться против нестроений и хаотических проявлений в мирской жизни. Наконец, в-пятых, общечеловечна в своём движении к высшему, совершенному и идеальному, но в тоже время исторична, многообразна, самобытна по своим конкретным формам и никак не может быть насильственно подведена под идейные шаблоны мертвящего единообразия.

Ключевые слова: В. С. Соловьёв, Ф. М. Достоевский, культура, христианская философия культуры, христианские ценности, безусловное и обусловленное, абсолютное и относительное, духовное, мирское, веровательное, научно-рационалистическое.

---

* Щученко Владимир Александрович — д-р филос. наук, проф.; vladalex40@mail.ru
Vladimir A. Shchuchenko — doctor of Philosophy, prof.; vladalex40@mail.ru

V. A. Shchuchenko
*V. S. SOLOVYOV'S ATTITUDE TO THE CULTURAL
AND PHILOSOPHICAL ATTITUDES OF F. M. DOSTOEVSKY*

The article examines the attitude of V. S. Solovyov to the cultural-philosophical attitudes of F. M. Dostoevsky, which relate mainly to the topical issues of both the philosophy of culture in its general definitions, and, in particular, the religious-philosophical concept of culture. The ideological contribution of V. S. Solovyov to the comprehension of the philosophy of culture based on the traditional concepts of Christian doctrine is especially noted. In general, V. S. Solovyov is in solidarity with the cultural and philosophical views of F. M. Dostoevsky, as they were presented in the literary and artistic work of the latter. Both thinkers single out the following aspects of the Christian philosophy of culture. Culture, firstly, is a historically determined systemic integrity of values and evaluations, moreover, not only conditioned by the external world, the environment, but also unconditional, ideal; not only relative, determined by the time and place of their existence, but also absolute, once and for all. Culture, secondly, strives for harmonization, ordering, spiritual and moral improvement of life. Culture, thirdly, is dynamic, aimed at the highest levels of the value worlds, but under the onslaught of economic materialism and the loss of religious principles, it can fall into the lows of chaos and decline. Christian culture, fourthly, is incompatible with the world-renunciation in the Church and is called upon to fight against disorders and chaotic manifestations in worldly life. Finally, fifthly, it is universal in its movement towards the highest, perfect and ideal, but at the same time it is historical, diverse, original in its concrete forms and can in no way be forcibly brought under the ideological templates of deadening uniformity.

Keywords: V. S. Solovyov, F. M. Dostoevsky, culture, Christian philosophy of culture, Christian values, unconditional and conditional, absolute and relative, spiritual, worldly, faithful, scientific and rationalistic.

В. С. Соловьёв не раз обращался к анализу культурфилософских установок Ф. М. Достоевского, видел в нём не только художника слова, но и мыслителя, «ясновидящего предчувственника» истинного христианства» [2, с. 302], в том числе и зачинателя нового, христианского направления в области философии и культуры. Если Ф. М. Достоевский, по определению В. С. Соловьёва, «в области идей был более прозорливцем и художником, нежели строго логичным последовательным мыслителем» [7, 289], то самого В. С. Соловьёва можно с полным правом назвать основоположником русской христианской культурфилософии, многосторонне обозначенной в понятиях и категориях. Целесообразно поэтому обратить внимание на некоторые, актуальные и сегодня основоположения философии культуры В. С. Соловьёва, что поможет рельефнее высветить главные моменты вопроса о его отношении к культурфилософским представлениям Ф. М. Достоевского, а также, что существенно, поставить Ф. М. Достоевского в число видных мыслителей, обратившихся к христианской философии культуры в России.

Культура определяется В. С. Соловьёвым как духовно-нравственное начало, нацеленное на улучшение общественной жизни человечества, её гармонизации и упорядочиванию на основе моральных норм и идеалов. Она есть, подчёркивает он, только «средство», «орудие» для улучшения жизни и служит «всеобщему благу» как нравственной цели, в особенности полному проявлению любви как нравственного начала. Культуру, однако, нельзя превращать из средства в цель, «видеть в ней безусловное и окончательное благо [3, с. 376–377]. Это благо и эти цели опознаются на уровне абсолютных и безусловных установок

религиозного, духовно-телеологического характера, т. е. на основе религиозно-метафизических положений христианского вероучения. Отношения между Богом и миром складываются как дело не только Бога, но и человека, активного деятеля и свободного творца. Эти отношения проникают в мирскую жизнь, «историзируются» (историческое свидетельство апостолов, событийность, евангельская фактология, исторический контекст Ветхого и особенно Нового Заветов, концепты Богоявления и Боговоплощения и др.). Вместе с тем все мирские дела, а соответственно и все ценностные измерения культуры рассматриваются в контексте высших целеполаганий христианства.

Одним из первых русских мыслителей В. С. Соловьёв ставит вопрос о разработке христианской концепции культуры. Первая задача на пути такой разработки заключается в необходимости преодоления трёх «искушений»: материализма как рабства плоти; рационализма, уповающего только на науку с её нацеленностью на материальные интересы и «эмпирическое познание», которые не в состоянии быть «единящим началом» в жизни личности и общества; наконец, «религиозного властолюбия», не верящее по большому счёту ни на истину вечной любви и безусловной благодати, ни в «истину Христову» [4, с. 158–166].

Понятие культуры используется философом как раз для того, чтобы, как он осторожно замечает, преодолеть «некоторый дуализм между Богом и миром», усилить и обосновать в соответствии с новым контекстом общественной жизни направленность христианского сообщества на миропрятие, на активную общественную деятельность, на движение общества к единству, согласованию, синтезу. Христианское понимание культуры опирается на иерархический порядок следующих трёх начал:

«Установление во всём обществе человеческом и во всех его деятельности того отношения трёх начал человеческого существа, которое индивидуально осуществлено в лице Христа. Это отношение, как мы знаем, состоит в свободном согласовании двух низших начал (рационального и материального) высшему божественному чрез их добровольное подчинение ему не как силе, а как благу» [4, с. 167].

В. С. Соловьёв проводит актуальную и по сей день мысль о том, что, во-первых, все названные выше начала должны иметь «самостоятельность», а во-вторых, проведение божественного начала во «внешнюю действительность» должно быть свободным и разумным. Более того, он считает, что «человеческий элемент», т. е. свободная и разумная активность «христианского общества», оказывались зачастую слабыми и недостаточными и для христианской истины, и для христианской культуры. Христианство призвано быть действенным, а не созерцательным, причём и в общественной жизни, и в рациональном мышлении и науке, и, наконец, в культуре. В то же время он не приемлет примат материального начала, а также положений «экономического социализма». И добавляет, что неприятие иерархического строя ценностных миров веры и культуры ведёт «к распадению человечества, к уничтожению общественности и науки, к всеобщему хаосу» [с. 166–167].

В. С. Соловьёв формулирует целый ряд культурфилософских установок, которые относятся не к одной только христианской культуре, а к культуре

во всех её духовно и нравственно значимых проявлениях. Культура, во-первых, автономна и самостоятельна; она свободно определяет высшие духовные ценности, в том числе и в качестве безусловных, а не только обусловленных; определяющих свободно, а не только определяемых внешними силами, насильственно; абсолютных, вневременных, а не только релятивных, исторически относительных. Во-вторых, культура есть способ отображения жизненных противоречий личности, её духовно-нравственных взлётов и падений, притом в её высших образцах она демонстрирует стремление человека к гармонизации и упорядоченности как своего внутреннего мира, так и окружающей действительности. В-третьих, культура духовно ослабевает и даже падает в низины хаоса и упадка под натиском материализма и утраты веровательных, абсолютных и идеальных установок духовно-нравственного порядка, а равно и в случае отпадения религиозного сознания и церковных институтов от активной жизненной позиции и нежелания вмешиваться в нестроения, хаос и неправду в социально-исторической жизни. Наконец, в-четвёртых, культура несовместима с установкой на мертвящее единообразие, а присущая ей общечеловеческая повторяемость проявляется как синтетическое единство, созвучие высших, прежде всего абсолютных, безусловных, веровательных первоначал, существующих во всех временах и во всех пространствах, с одной стороны, а с другой, «свободной множественности» развития самобытных начал.

Названные выше культурфилософские установки в целом и основном обозначились, по словам В. С. Соловьёва, в идейном наследии Ф. М. Достоевского. В. С. Соловьёв наделяет писателя такими определениями, как «провозвестник», «предтеча», «пророк» нового духовно-нравственного направления. Что же возвещает известный русский писатель и мыслитель, о чём он пророчествует? На этот вопрос философ даёт пространные и исчерпывающие ответы.

В. С. Соловьёвособо выделял культурфилософскую установку Ф. М. Достоевского на определяющую роль связующих, единящих начал в духовно-нравственного развития человечества. Он видит в Ф. М. Достоевском убеждённого провозвестника понимания общественной жизни, деятельности и культуры в их синтетической целостности. У Ф. М. Достоевского он обнаруживает в большей или меньшей степени обоснованную «логически» синтетическую тенденцию в понимании сущности культуросозидающей деятельности и прежде всего направленность культуры на синтез христианской истины и мирских нужд; многообразного и единого; естественного, заданного природой и сверхестественного, веровательного, абсолютного, сокровенного, предпосланного Всевышним; веру в Бога (религия), веру в человека (гуманизм) и веру в чистоту, святость и красоту материи; наконец, искусства и жизни в её природных, социальных и духовно-нравственных проявлениях. Приведём в этой связи одно высказывание В. С. Соловьёва, где он прямо увязывает идею синтеза с «новой духовной жизнью», в том числе, конечно, и с культурой и нравственным состоянием общества:

«Истинное дело возможно, только если и в человеке и в природе есть положительные силы света и добра; но без Бога ни человек, ни природа таких сил не имеет... Только отказавшись от своего ложного положения, от своей безумной

сосредоточенности в себе, от своего злого одиночества, только связав себя с Богом в Христе и с миром в Церкви можем мы делать настоящее Божье дело — то, что Достоевский назвал *православным делом*.

Если христианство есть религия спасения; если христианская идея состоит в исцелении, внутренним соединением тех начал, рознь которых есть гибель, то сущность истинного христианского дела будет то, что на логическом языке называется *синтезом*, а на языке нравственном — *примирением*. [2, с. 315].

Работы В. С. Соловьёва об искусстве («Красота в природе» и «Общий смысл искусства») выходят за рамки эстетики и в полной мере относятся к его религиозно-философской концепции культуры. Показательно в этом плане уже то, что эпиграфом к его работе «Красота в природе» являются многозначительные слова князя Мышкина из романа Ф. М. Достоевского «Идиот»: «Красота спасёт мир». В статье «Общий смысл искусства» он пишет, что искусство назидательно — притом далеко не в смысле «дидактической проповеди», а в смысле «вдохновенного пророчества», т. е. веровательно, а ещё и как «ощутительное изображение» предметного в свете идеального, которое, как он полагает, есть «окончательное состояние» «будущего мира», как он выражается, «окончательного состояния» «будущего мира». В первобытной культуре религия и искусство существовали в неразрывной связи, «слитно». Усложнение социальной жизни обусловило их отчуждение друг от друга. Но в будущем возможен их свободный синтез. Такой синтез будет основан не на «поглощении человеческого божественным, но на их свободном взаимодействии», другими словами, на творческой, преобразовательной активности человека в согласии с божественным целеполаганием [6. С. 404].

Синтез занимает в философии культуры В. С. Соловьёва большое, если не сказать центральное место. Христиански ориентированный синтез жизни и культуры строится у него на основе всех без исключения социокультурных сфер, предполагает их свободную взаимоположенность и возможен к тому же только на основе духовно-ценностного иерархизма, предполагающего примат высших религиозных ценностных масштабов. Существенно важно подчеркнуть здесь следующее. Когда этот мыслитель развивает тему синтеза сфер культуры, он особо подчёркивает деятельностное, преобразующее предназначение синтезирования как процесса, гармонизирующего и упорядочивающего историческое бытие. Искусство, как и любая другая сфера культуры, не существует в себе и для себя, как «искусство для искусства». Настоящее художество, подчёркивает он, призвано «глубоко и сильно воздействовать на реальный мир». И добавляет, что «эстетически прекрасное должно вести к реальному улучшению действительности» [5, с. 351]. Искусство, как и культура в её целом, имеют жизнетворческое, преобразующее предназначение:

«Совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле, — должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь» [6, с. 404].

В культурно-историческом процессе, где происходит воплощение идеального, наблюдается системная взаимосвязь, взаимоположенность и взаимодополнительность разных сфер жизненного процесса и культуры — а осо-

бенно тех из них, которые составляют мировоззренческое ядро христианства (религиозно-философская мысль, нравственность и искусство). Сама постановка этой культурфилософской темы В. С. Соловьёвым, а также и Ф. М. Достоевским явилась существенным завоеванием религиозно-философского подхода к культурному процессу. Отметим в этой связи, что ещё и сегодня проблема взаимосвязи и взаимообусловленности религиозно-философской мысли, искусства, а также и других сфер культуры (ментальной, политической, экономической) остаётся скорее предметом дискуссий по отдельным вопросам, чем системных исследований. Приведём в этой связи ещё одно суждение В. С. Соловьёва, вполне созвучное и идейному миру Ф. М. Достоевского. Материальная основа, вещественное поле природы нуждается для своей полноты и совершенства в «этическом действии, которое и обеспечивает «идеальный строй нашей жизни». Но и сам нравственный порядок не существует вне и помимо «достойного» и «должного», в том числе и помимо «просветления» и «одухотворения» вещественного бытия» в форме красоты в её свободном взаимодействии с «абсолютным началом», «элементом божественным» [6, с. 392–394]. Искусство, таким образом, является важнейшим составным элементом идеального строя жизни. А идеальное во всей культуросозидающей деятельности не существует вне материального, воплощённого. Реальное бытие есть богочеловеческий процесс, вечное в нём существует в историческом времени, безусловное в обусловленном, а абсолютное в относительности реальных объектов. Есть, поясняет философ, «всесовершенное или абсолютное существо, вполне свободное от всяких ограничений, и Искусство, таким образом, является важнейшим составным элементом идеального строя жизни. А идеальное в искусстве, как и во всей культуросозидающей деятельности, не существует вне материального, воплощённого. Реальное бытие есть богочеловеческий процесс, и только оно «достойно бытия» духовного, нематериального, божественного. Искусство же знает только воплощённую идею как «лучшую половину» реального, существующего мира, и только эта половина «заслуживает существования». Тут человечество имеет дело с «частными или ограниченными существованиями», которые становятся только «причастными» к идеальному и достойному бытию в силу своего отношения к абсолютному, каким оно являет себя во всемирном процессе, т. е. в «процессе воплощения» этого достойного и идеального бытия. [5, с. 361].

Религиозно-философский подход к феномену культуры обстоятельно развивается и на литературно-художественном материале, в особенности, в связи с анализом мировоззрения Ф. М. Достоевского. Здесь выделяется работа В. С. Соловьёва «Три речи в память Достоевского». В Предисловии к ней он подчёркивает, что в душе человека есть божественная сила, сила любви, которая способна противостоять и «внутреннему падению» и «внешнему насилию», а главное, что здесь существенно, сила эта необходима для «внешнего осуществления на земле царства правды» [2, с. 302]. Уже здесь, в самом начале своих «Речей», он выходит на проблему «внешнего осуществления» на земле, переполненной «жизненной злобой», «тяготой и чернотой жизни», путями веры в действительность Бога и Христа, в победительную силу любви. Заслугой Ф. М. Достоевского он считает как раз выход последнего за рамки «бытописа-

ния», с одной стороны, а с другой, от «отвлечённого» богословия к проблемам живой жизни — к проблемам «общественного движения», а также к важнейшему для философии культуры вопросу об «общественном идеале». Уже здесь в имплицитном, но вполне определённом, явном виде намечены основополагающие ценностно-познавательные установки религиозно-философского подхода к культуре: признание самоценности относительного мира исторической жизни, который открыт идеальному содержанию божественного Абсолюта, воплощающегося в этой жизни экзистенциально как формирующая сила идеального, диктующая примат «внутреннего», веровательного и безусловного над «внешним», обусловленном обстоятельствами конкретно-исторической «среды», возможность и действительность духовного динамизма в человеческом мире, духовно-нравственного совершенствования как божественного дара свободы и высшей правды.

Именно Ф. М. Достоевский, по словам В. С. Соловьёва, «возвещал» христианскую идею о том, что духовное развитие человечества не может опираться только на веру в сверхчеловеческое и сверхприродное, на «божественную светлость и красоту», но с необходимостью включает веру в человека, способного опознавать и преодолевать зло, проводить в своей социальной и культурной деятельности добро, а также поддерживать веру в природу, которая есть «тело Божие» [2, с. 312–314]. Ф. М. Достоевский, замечает в этой связи В. С. Соловьёв, проводил в своей жизни христианскую идею о триединстве веры, духоносного начала в человеке и в природе:

«Обладая живым чувством внутренней связи со сверхчеловеческим и будучи в этом смысле мистиком, он в этом же чувстве находил свободу и силу человека; зная всё человеческое зло, он верил во всё человеческое добро и был, по общему признанию, истинным гуманистом... Достоевский с глубокой любовью и нежностью обращался к природе, понимал и любил землю и всё земное, верил в чистоту, святость и красоту материи» [2, с. 314].

Искусство, как и другие «человеческие дела», свидетельствует В. С. Соловьёв, характеризуя воззрения Ф. М. Достоевского, не может быть сведено ни к «внешней поучительности», ни к «полезности», ни к развлечению, ни, наконец, к отвлечению от жизни. Предназначение культуры не достигается «простым воспроизведением действительности». Есть идеальная сторона литературы, искусства, всей культуры, и она не в том, чтобы уводить человека от жизни на «олимпийские высоты», и не в том, чтобы погрузиться в тьму и злобу земной жизни», а в том, чтобы воздействовать на «землю», чтобы «повернуть и пересоздать» эту «землю», привлекая и прикладывая к земле «неземные силы», религиозную идею [2, 293].

Духовно-нравственное пересоздание земного мира не может быть насильственным, внешне принудительным. Религиозное мирозерцание не может быть навязано силой. Оно являет себя как некая внутренняя потребность личности в обнаружении идеальной, безотносительной, ничем не обусловленной стороне бытия, а равно и способность воспринимать эту идеальную сторону, Бога для верующего, как высшую реальность, как одухотворяющий эту жизнь идеал. В среде культурных деятелей, даже тех из них, которые

не исповедуют религиозных воззрений, В. С. Соловьёв обнаруживает то, что можно определить как преобразовательные стремления, сообразующиеся с принятыми личностью идеалами. Философ высказывает тут принципиально важную для философии культуры мысль: культурный деятель не имеет права замыкаться в пределах собственных строго формализованных мировоззренческих позициях. Его первейшая задача — искать точки соприкосновения между духовными силами Добра, к какой бы религиозной традиции или даже внерелигиозной идейной позиции они ни относились. Стоит привести слова самого В. С. Соловьёва:

«Несмотря на антирелигиозный (по-видимому) характер современного искусства, проницательный взгляд сумеет отличить в нём неясные черты будущего религиозного искусства, именно в двойном стремлении — к полному воплощению идеи в мельчайших материальных подробностях до совершенного почти слияния с текущей действительностью и вместе с тем в стремлении воздействовать на реальную жизнь, исправляя и улучшая её, согласно известным идеальным требованиям» [2, с. 294].

Искусство как и культура во всех её многообразных формах не есть только отражение реального в идеальном, а ещё и преображение реального с помощью этого идеального, как бы просветление реального. На эту сторону культурфилософской концепции В. С. Соловьёва обратил внимание известный русский философ А. Ф. Лосев. Учение В. С. Соловьёва характеризуется «пониманием идеального как движущей материальной силы и материального как преображённо слитого с идеальным». В этом смысле искусство для последнего есть «свободная теургия и не является ни простым «отражением действительности», ни «отражением идеала», но «преображением» [1, с. 20–21].

Уместно отметить здесь, что на протяжении 20 столетия представители русской религиозной философии культуры, в основном работавшие за рубежом (Е. В. Трубецкой, Е. В. Спекторский, И. А. Ильин и др.), решительно продвигали мысль о необходимости поиска духовных взаимосвязей между религиозной и светской культурами и при этом настаивали, во-первых, на том, что светская культура несёт в своём содержании духовные интенции, близкие христианству, а во-вторых, на том, что хотя секулярные тенденции в современной культуре господствуют, не ослабевают, а порой и усиливаются религиозные мотивы в самых разных подсистемах культуры*.

В «Трёх речах в память Достоевского» В. С. Соловьёв настойчиво проводит мысль о том, что христианство призвано одухотворять социокультурную активность личности. Христианская вера не может быть редуцирована ни к молитвенному служению, ни к спасению души. Эта вера — от Христа, Спасителя мира, а потому она деятельна, преобразовательна; она — в созидательной деятельности, духовный нерв которой Христос как «воплощение истины». В этом смысле христианство — религия мироприятия, религия богочеловеческая,

---

* Щученко В. А. Философия культуры в свете христианского Логоса. Русские христианские мыслители о культуре (вторая половина XIX — первая половина XX веков). СПб.: Изд-во РХГА, 2017. С. 17–18, 58–59, 108, 158.

которая отвергает не мир, не «землю», но зло в мире, Антихриста. Последний не уходит добровольно, но нуждается в активном подвиге христиан.

Искусство как и культура во всех её многообразных формах не есть только отражение реального в идеальном, а ещё и преобразование реального с помощью этого идеального, как бы просветление реального. На эту сторону эстетической концепции В. С. Соловьёва обратил внимание известный русский философ А. Ф. Лосев. Учение В. С. Соловьёва характеризуется «пониманием идеального как движущей материальной силы и материального как преображённо слитого с идеальным». В этом смысле искусство для последнего есть «свободная теургия» и не является ни простым «отражением действительности», ни «отражением идеала», но «преобразованием» [1, с. 20–21].

Возвращаясь снова и снова к близкой ему мысли о роли христианства в общественной жизнедеятельности, В. С. Соловьёв видит заслугу Ф. М. Достоевского в постановке актуальной и по сей день проблемы общественного идеала. Так, он подчёркивает, что христианин не может замыкаться в стенах храма, не имеет права ограничиваться ни обрядом, ни «молитвословием», если при этом деятельная сторона жизни остаётся «нехристианской». Такое христианство он называет «храмовым». Но и другой вид или, как он формулирует, «степень» христианской веры, тот, который замкнут исключительно на внутреннюю «индивидуальную» жизнь, тоже недостаточен для веры, так как религиозная вера нацелена здесь только на частные дела человека, на личную нравственность, на спасение отдельной души человеческой. Личность обращается в этом случае к Христу как к высшему нравственному идеалу. Это, по его выражению, «домашнее» христианство. Такое исповедание веры тоже неполное и недостаточное. Христианская вера становится истинной и полной тогда только, когда она нацелена на деятельное участие христианина во всех без исключения проявлениях общественной жизни, когда она одухотворяет весь окружающий человека мир, все его дела — политику, науку, хозяйство и, конечно, такое ценностно нагруженное проявление культуры, как искусство. Этот подход явился самым настоящим прорывом для православия на исходе XIX века и сразу же был подхвачен и деятелями культуры, и частью священнослужителей.

В. С. Соловьёв исходит из того, что мирская жизнь является христианской в той мере и тогда, в какой и когда она опирается на «высшие» и «безусловные» начала, такие прежде всего, как начала «любви, свободного согласия и братского единения», на духовно-нравственные начала людей, исповедующих веру в реальность идеального. Именно здесь и начинается культурно-историческое творчество как «всемирное общее дело». Не будет преувеличением утверждать, что таким объединяющим и примиряющим началом является взятая в широком смысле слова, не требующая доказательств эта вера в реальность абсолютных, безусловных, долженствующих быть начал, которые поддерживают не только религиозные верования, но и любое культурное дело, даже если в своём явном виде оно не опирается на религиозную веру. Именно поэтому в качестве важнейшей мировой задачи он считает необходимость продвижения человечества к «цельной синтетической жизни» на основе сопряжения жизнетворческой преобразующей мир деятельности, с одной стороны, и веры, мысли и культуры, с другой. Именно поэтому он особо выделяет нацеленность Ф. М. Достоевского

на воссоединение в религиозной идее самых разных форм деятельности, в том числе мыслительной (истина) и художественной (красота) [2, с. 302–305].

Если внимательно посмотреть, то именно культура является тем звеном, который связует веру и преобразующую мир деятельность человека. Вера, как и гуманизм, не могут быть отвлечёнными; они действительны только тогда, когда они воплощаются в конкретные дела в меняющейся конкретно-исторической среде. Вера без дел мертва, но и дела без веры обесмысливаются, оказываются под управлением «эгоизма» и «частной выгоды». Вот почему В. С. Соловьёв и Ф. М. Достоевский резко выступали против тех, кто выводил религиозную веру за рамки реальной общественной жизни, а в том числе и культуры с её тяготением к вечному, идеальному и безусловному, с одной стороны, а с другой, с её укоренённостью в сложнейших социальных сетях конкретно существующих ценностных иерархий, столкновений и противоречий.

Здесь следует уточнить, что как Ф. М. Достоевский, так и В. С. Соловьёв остаются при обращении к социальной культурфилософии в пределах религиозной утопии. Их внимание сосредоточено, конечно, на критическом рассмотрении социальной реальности, взятой, однако, только под углом зрения религиозной и моральной аксиологии. Их культурфилософия при всей её духовно-нравственной значимости, существенности и востребованности, особенно в социокультурной ситуации настоящего, пронизана критикой общественной «неправды» главным образом с позиций веры и морали, а не с точки зрения теоретически доказательной и обоснованной социологии культуры. Оба мыслителя опираются только на духовно-нравственную роль ценностей культуры, на мотивирующее значение христианской аксиологии, оставаясь тем самым вне объективно-рационалистического, а тем более научно-рационалистического подхода к философии культуры. Об этом свидетельствует, например, отношение В. С. Соловьёва к высказыванию Ф. М. Достоевского о так называемом «русском социализме» как народной вере в Церковь. В этой связи В. С. Соловьёв характеризует взгляды европейских социалистов как требование насильственного низведения государства и общества на степень «простой экономической ассоциации», «к уровню сытых и самодовольных рабочих». И продолжает в духе религиозного «общественного идеала»:

«Русский социализм», о котором говорил Достоевский, напротив, *возвышает* всех до уровня Церкви как духовного братства, хотя и с сохранением внешнего неравенства социальных положений, требует одухотворения всего государственного и общественного строя чрез воплощение в нём, истины и жизни Христовой» [2, с. 300–301].

В Приложении к «Трёх речам в память Достоевского», озаглавленном «Заметка в защиту Достоевского от обвинения в «новом» христианстве» («Наши новые христиане» и т. д. К. Леонтьева, Москва, 1882 г.) В. С. Соловьёв выражает своё несогласие с нападками К. Н. Леонтьева на Ф. М. Достоевского и солидаризуется с взглядами последнего на культуру. Писатель, заявляет философ, не был ни отвлечённым гуманистом, ни отвлечённым моралистом. Ф. М. Достоевский верил в Христа как «Богочеловека», который выше человека, и не верил «в отвлечённый разум или в то безбожное и бесноватое

человечество, которое в романах самого Достоевского яснее, чем где-либо, отражается во всей своей мерзости». «Идеал истинной культуры», продолжает В. С. Соловьёв, — не человеческий только, не рассудочно гуманистический, но «сверхчеловеческий», основанный на веровательных основаниях. Поэтому «идеал истинной культуры» выстраивается не на абстрактно взятом человеколюбии, а на том, что выше, совершеннее человека, что создается на основе духовно осмысленной деятельности [2, с. 320–321].

В. С. Соловьёв остро чувствует историоцентризм христианства, а равно и культуры. Он не приемлет антихристианское противопоставление «этого» и «того» света. Нет «безусловной границы» между «здесь» и «там». Одно дело «земля» в начале Книги Бытия и совсем другое — «новая земля» Богоявления. Культура как дело историческое не противоречит христианскому вероучению; культура не есть некая временная бессмыслица, в ней — одухотворение земного. И далее В. С. Соловьёв делает многозначительное пояснение относительно суждения Ф. М. Достоевского о возможности «всемирной гармонии» на этом свете. Когда писатель говорил о «всемирной гармонии», то он имел в виду не «утилитарное благоденствие на теперешней земле, а «начало той новой земли, в которой правда живёт». Не мирным прогрессом достигается эта гармония, но в муках и болезнях апокалиптического разлома. Не случайно, добавляет В. С. Соловьёв, в последние годы своей жизни Ф. М. Достоевский снова и снова обращался к этой последней книге Нового Завета [2, с. 322].

В. С. Соловьёв и Ф. М. Достоевский осуществили, таким образом, поворот религиозно-философской мысли к культуре и тем самым внесли большой вклад в обоснование философии культуры на основе христианской доктрины. Закljučая статью, хотелось бы подчеркнуть, что блистательно начатое В. С. Соловьёвым осмысление религиозно-философского подхода к культурному процессу ещё далеко не завершено, если не сказать находится на начальном этапе. Его наследие, относящееся к концептуализации философии культуры, становится ещё более актуальным в условиях того духовно-нравственного кризиса, который переживает современное человечество и который провидел этот выдающийся русский мыслитель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев А. Ф. Творческий путь Владимира Соловьёва // Соловьёв В. С. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 3–32.
2. Соловьёв В. С. Тривречи в память Достоевского // Соловьёв В. С. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 289–323.
3. Соловьёв В. С. Народная беда и общественная помощь // Соловьёв В. С. Соч.: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 370–383.
4. Соловьёв В. С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьёв В. С. Соч. В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 5–170.
5. Соловьёв В. С. Красота в природе // Соловьёв В. С. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 351–389.
6. Соловьёв В. С. Общий смысл искусства // Соловьёв В. С. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 390–404.

7. Соловьёв В. С. Русский национальный идеал (По поводу статьи Н. Я. Грота в “В вопросах философии и психологии”) // Соловьёв В. С. Соч.: В 2 т.М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 286–295.

REFERENCES

1. Losev, A. F. Tvorcheskie put' Vladimira Solovyova [The Creative Path of Vladimir Solovyov]. In: Solovyov, V. S. Sochinenija. In 2 vols. Moscow, Thought, 1988, vol. 1, pp. 3–32 (in Russian).

2. Solovyov, V. S. Three Speeches in Memory of Dostoevsky. In: Solovyov, V. S. Sochinenija. In 2 vols. Moscow, Thought, 1988, vol. 2, pp. 289–323 (in Russian).

3. Solovyov, V. S. Narodnaya beda i obschestvennaya pomoshch [People's Trouble and Public Assistance]. In: Solovyov, V. S. Sochinenija. In 2 vols. Moscow, Izdatel'stvo “Pravda”, 1989. Vol. 2, pp. 370–383 (in Russian).

4. Solovyov, V. S. Chtenija o Bogochelovechestve [Readings about Bogochelovechestvo]. In: Solovyov V. S. Sochinenija. In 2 vols. Moscow, Izdatel'stvo “Pravda”, 1989. Vol. 2, pp. 5–170 (in Russian).

5. Solovyov, V. S. Krasota v prirode [Beauty in Nature]. In: Solovyov V. S. Sochinenija. In 2 vols. Moscow, Thought, 1988. Vol. 2, pp. 351–389 (in Russian).

6. Solovyov, V. S. Obschij smysl iskusstva [General Meaning of Art]. In: Solovyov V. S. Works. In 2 vols. Moscow, Thought, 1988. Vol. 2, pp. 390–404 (in Russian).

7. Solovyov, V. S. Russkii natsional'nyi ideal (Po povodu stat'ji N. Ja. Grot'a v “Voprosah filosofii i psihologii”) [Russian National ideal (On the article by N.Y. Grot in “In Questions of Philosophy and Psychology”)]. In: Solovyov V. S. Sochinenija. In 2 vols. Moscow, Izdatel'stvo “Pravda”, 1989. Vol. 2, pp. 286–295 (in Russian).